

Мемуары — не газетный жанр. То, что я пишу, — так, мемуарчик. В смысле — маленькое воспоминание. По поводу маленького события, вовсе не всколыхнувшего прогрессивную общественность и окултуренные слои соотечественников. В Испании, не дожив двух месяцев до 67 лет, от болезней, пьянства и одиночества умер Лев Михайлов. Музыкант.

В нынешней новорусской культуре выдающихся артистов — большие тучи. То есть сколько артистов, столько и выдающихся, поскольку славящие их журналисты пропорционально возвышаются на бугристом поле пиара. И когда знаменитый телеведущий именуется великим русским поэтом раскрученного рок-певца, я внутренне соглашаюсь. Тем более что и звездун не возражает, кивает головой. Только введивший внутренний голос ехидно интересуется: а кем же тогда был Федор Иванович Шаляпин? Вопрос повисает без ответа...

1974

Михайлов с огромным трудом убеждает начальство открыть класс академического саксофона в консерватории, где тогда уже преподавал кларнет. Со скрипом и сомнениями, но все же разрешают. Как вторую специальность: то есть кларнетист мог заниматься еще и на саксофоне. Одновременно Михайлов получает приглашение на Всемирный конгресс саксофонистов в Бордо. И какой же парком или райком мог разрешить ему такую поездку? Правильно: никакой. Живы, живы были еще в мозгах верных сталинцев многотиражные плакатики «От саксофона до ножа — один шаг!». Неожиданно помог Кабелевский. Считавшийся одним из столпов советской музыки, он был в фаворе, влиятелен и вхож. Как разъяснилось позднее, роль столпа была ему великовата, хотя небольшой, но теплый талант его забыт незаслуженно и небрежно. Оказавшись человеком приличным и настойчивым, он «пробил» тогда Михайлову эту поездку через отдел культуры ЦК.

Первый (!) советский академический саксофонист на международном форуме такого уровня, среди именитых французов, у которых классический саксофон преподается с середины XIX века, всемирно известных джазовых американцев, блестящих, виртуозных итальянцев, академичных и артистичных чехов...

Нет, Михайлов не был основоположником — были на Руси классные саксофонисты, хотя и немного, но были. Но после его выступлений все-таки заговорили о русской школе саксофона, и это была не только его победа. Вернувшись, он организовал первый в СССР классический квартет саксофонов — невообразимо нежный и бесстыдно яркий ансамбль, который воспринимался, как позже — первые «Мерседесы» на российских дорогах.

Михайлов с одинаковым блеском играл на кларнете и саксофоне и в этом был уникален. Хорошо помню концерт в Доме композиторов, где он исполнил «Фантазию» Э. Денисова для четырех саксофонов, «Концертную фантазию» Н. Пейко для двух саксофонов и пьесу С. Губайдулиной, где поочередно играл на восьми инструментах: кларнете-пикколо, кларнетах «А» и «В», бас-кларнете, саксофонах сопрано, альте, теноре и баритоне. Все писалось для него, и это не были цирковые номера — самозабвенное, блистательное и по-михайловски своеобразное музицирование, умное, тонкое и точное.

Тогда же ему посвятили сонаты для кларнета-сола В. Артемов и Э. Денисов. Эти сложнейшие по технике и языку сочинения Михайлов исполнял так внятно и естественно, что все казалось доступным — как песни советских композиторов. Помню,

ДЛЯ САКСОФОНА С ОРКЕСТРОМ

Лев Михайлов

Лекции для первокурсников Московской консерватории о советской исполнительской школе
я начинаю так:
«Лев Николаевич Михайлов был большой, рыжий и другой...»
Вот именно — другой.
И заменить его никак невозможно

как он вернулся из Ленинграда, где играл с Рождественским Концертом Глазунова для саксофона с оркестром, и с восторгом приговаривал: «Любит наш народ саксофон-то, любит!». Рыжие усы топорщились, глаза блестели. Его записи кларнетового концерта Моцарта и саксофонного концерта Глазунова и ныне — эталоны стиля и вкуса. (Немногие знали, что его постоянно мучают боли в правом запястье. Он переиграл руку и носил обрезок старой шерстяной перчатки, чтобы грела. Никакие врачи не помогали, ходил к знахарям, потом нашел китайца, который «выдавливал» точки нервных окончаний, чтобы их «отключить». Да толку не было.)

Кто он был, этот рафинированный виртуоз? Сибирский русский мужик из села Березовка Красноярского края. Из бедноты настолько беспросветной, что его, чтобы прокормить, отдали в Новосибир-

В этом контексте понимаю с солдатской определенностью: Лев Михайлов не был великим. В том Советском Союзе, от которого никак не отлепиться моему поколению, он был лучшим кларнетистом своего времени. Или одним из двух-трех лучших (нет пророка в своем отечестве). Может быть, по уровню мастерства кто-то и мог с ним соперничать. Что же до таланта и музыкантской мудрости — как объяснить?.. Это вещи субъективные.

А вот саксофонистом он был не гениальным и не великим, а просто божественным. Его пластинки, записи, оставшиеся в фонотеке Московской консерватории, — не свидетельства «вдумчивой интерпретации» или «проникновения в художественный образ», а предметы роскоши и абсолютного наслаждения, изысканного и вовсе не обязательного для жестокого или псевдореалистического искусства тех лет

ки, не слышали от него дурного слова о коллегах. Чуть ли не каждую неделю в класс приходили молодые и маститые композиторы, приносившие Михайлову свои сочинения. Если уж мы, пацаны, понимали, что среди этих опусов немало мусора, то наш шеф, думаю, видел это по первым строкам. Но никогда в модуляциях его голоса не слышалось ни пренебрежения, ни цинизма, хотя и с юмором, и с ощущением реальности у него было все в порядке.

скую школу духовых инструментов вопреки всем условиям, скреплявшим жесткую иерархию музыкальных авторитетов.

Как-то я спросил Михайлова: чего он больше всего не любит в профессии? Ответ был выстраданным: посредственность за дирижерским пультом. Когда играешь с Рождественским, Светлановым — за ними идешь с радостью. А когда maestro — пустой и гулкий, как большой барабан, — скучно, тяжело и бессмысленно. Вспо-

миная сейчас наши беседы, все больше прихожу к мысли, что Михайлов мечтал о дирижерской карьере. Но при всей его раскованности и вполне адекватной самооценке слишком серьезно относился к профессии. Жаль. Он был бы отменным дирижером. И, возможно, это удержало бы его на плаву. Как и от дурного, невнятного решения искать счастья в чужих краях.

В начале смутного времени, прозванного «перестройкой», подвернулась возможность уехать в теплую страну Испании, в новорожденный оркестр. А там, глядишь... Казалось, в России карьера закончена, эвфемизм под названием «болезнь русского человека» передавался доброжелателями, задвигая природного лидера и вояку на роли, которые были ему невыносимы и унизительны.

А впереди мерещились лазурные дали, шанс начать с чистого листа, когда ты еще в силе, не растратил ни ума, ни таланта, ни творческой энергии, да с новой женой... Очень скоро выяснилось, что т а м эту энергию некуда девать. И ум т а м нужен другой, изворотливый и практический. А талант хорош тогда, когда востребован. Иначе — зачем он?

Для кого-то этот путь оказался удачей: сытно, спокойно, комфортно. Для него — дорогой в никуда. В преждевременную старость и болезнь, от которой уже было не уйти.

Его звали вернуться, держали место в консерватории. А гордость, а фанаберия, а рыжие усы?..

Ну да, так к чему это я? Да ни к чему. Размышления в мемуарчике. Тут еще слух прошел, будто прогрессивная общественность выдвинула на соискание Государственной премии саксофониста Игоря Бутмана. Ну и правильно: человек в Америке жил и по телевизору его показывают. Стало быть, если не великий, то уж точно выдающийся.

А мой герой — я и сейчас не знаю, как его назвать. И на лекции для первокурсников о советской исполнительской школе обычно начинаю так: «Лев Николаевич Михайлов был... большой, рыжий... и другой». Вот именно — другой, и заменить его никак невозможно. Поэтому давайте для начала послушаем Концерт Глазунова. Для саксофона с оркестром...

● Валерий БЕРЕЗИН

Концертмейстером-аккомпаниатором в нашем классе служила его жена Наташа — женственная, мягкая, деликатная. И, казалось, бесконечно преданная Михайлову. Сколько камерных премьер они сыграли вместе, сколько учеников она тянула на себе, когда он был на гастролях! Однажды мы, первокурсники, слушали дипломную программу совсем взрослого выпускника. После его ухода Михайлов вдруг спросил: «Ну как вам?» (чего в принципе никогда не делал). Откуда-то я набрался наглости и ляпнул: «Если бы я так играл на пятом курсе, я бы застрелился». Михайлов глянул с жалостью и процедил: «Ну и дурак». Через некоторое время умная и женственная красавица Наташа вышла замуж за этого самого выпускника.

А наш Лев Николаевич стал пить все чаще и серьезнее. Хотя и играл в эту пору много, и преподавал отменно. Тогда у него окончил аспирантуру Александр Осейчук — один из лучших нынешних саксофонистов, европейски известный джазовый музыкант. Игорь Панасюк занял место солиста-кларнетиста в оркестре Московской филармонии. Были и другие, но мой герой час от часу как-то тускнел, утрачивая блеск в глазах.

Главная его работа все же была в оркестре, сольными концертами духовики в России никак не прожить. Оркестр он обожал! Служил в оркестре Всесоюзного радио и телевидения, солистом оркестра Большого театра, вторым солистом Государственного симфонического оркестра СССР. Никак не вяжется с ним пустое словечко «оркестрант», сплошь употребляемое нынешними культбозревателями, уверенно отличающими дирижера от рояля.

Он был артист оркестра, и окружали его классные артисты, имена которых проносились с почтением не только на просторах России: кларнетист Владимир Соколов, флейтист Валентин Зверев, валторнист Анатолий Демин, гобоист Анатолий Любимов, фаготист Валерий Попов — блистательные мастера, прославившие рус-

пиджачных пар приходил в консерваторию в свободных кофтах и элегантно-мятых вельветовых штанах.

Когда совсем не хотелось с нами заниматься, составлял у стены четыре стула, ложился на них, раскрывал газету, командовал: «Гамма ре мажор!» Переворачивал страницу и бурчал: «Плохо. Еще четыре раза». Зато когда ему хотелось заниматься, начинал театральное представление. И мимики, и жеста в сочетании со всеми оттенками великого и могучего, иногда и не совсем литературного языка.

Сейчас понимаю, что он был природным педагогом. Его естественность, никогда не допускавшая амфибиозности, высвечивала ту внутреннюю свободу, которая естественно ограничивается врожденной интеллигентностью. Откуда это — ума не приложу, но и поныне встречаются такие люди в дальних русских деревнях. Ни разу мы, учени-

кую военно-музыкальную школу. Уже оттуда по воле Бога и начальства Левушку направили служить в Москву, в оркестр Министрства обороны, где он сам подготовился к поступлению в консерваторию. В 62-м получает первую премию на конкурсе в Хельсинки, в 63-м — на Всесоюзном конкурсе. В консерваторские годы подрабатывал в ресторанном биг-бэнде и душою полюбил джаз. Но джазменом себя никогда не считал — стеснялся.

Двадцати восемью лет от роду его пригласили вести класс в Московской консерватории. А я поступил к нему в ученики в 72-м, когда ему было уже тридцать шесть. Он был чудной, этот Лева Михайлов. Старшие студенты обращались к нему на «ты». Плотный, ладно скроенный, с большой зальсиной и редкой рыжеватой шевелюрой, он держался всегда с той удивительной свободой, которую видишь только в аристократичных баловнях судьбы. Во времена строгих галстуков и